

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.17223/19986645/49/14

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЮЖЕТИКИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЮЖЕТОЛОГИЯ / СЮЖЕТОГРАФИЯ-4»
(г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 16–18 мая 2017 г.)**

16–18 мая 2017 г. в Институте филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН) прошла четвертая Всероссийская научная конференция «Сюжетология / сюжетология-4», посвященная памяти Елены Константиновны Ромодановской (1937–2013) – члена-корреспондента РАН, директора Института филологии СО РАН с 1998 по 2012 г., заведующей сектором литературоведения (обзор первой конференции «Сюжетология / сюжетология» см. в работе [1. С. 254–266]).

Заседание открыл директор ИФЛ СО РАН доктор филологических наук И.В. Силантьев. Приглашая участников конференции почтить память Е.К. Ромодановской, он отметил, что в секторе литературоведения ИФЛ СО РАН активно развиваются все те направления, которые были определены Е.К. Ромодановской, а поскольку круг этих направлений широк и разнообразен, то от конференции логично ожидать, что будут затронуты многие литературоведческие проблемы, вызывавшие живой интерес и представлявшие большую ценность для Елены Константиновны.

Конференция началась с выступлений сотрудников сектора археологии Института истории СО РАН (ИИ СО РАН), с которыми Е.К. Ромодановскую связывали десятилетия тесного научного сотрудничества, и ее учеников. Темы докладов первой части пленарного заседания отразили интересы Е.К. Ромодановской, связанные с древнерусской литературой и становлением литературы Нового времени. В докладе **Л.И. Журовой** (Новосибирск, ИИ СО РАН) «Бытовизм в событийном ряду сибирских летописей» были отмечены заслуги Е.К. Ромодановской в изучении сибирского летописания. Доклад посвящался исследованию проблемы бытовизма как нового явления литературы XVII в. и его проявлению в сибирском летописании, что связано с нарождающимся интересом к человеку в его повседневной жизни. В строении сибирских летописей, по мнению докладчицы, нужно отметить такую особенность, как сочетание сведений об административном управлении и известий, отразивших событийный ряд из истории Сибири. Вкрапление жизненных реалий создает бытовую историю осваиваемой сибирской земли. Известия сибирского летописания содержат микросюжеты, построенные на бытовых сценках. Анализ статей о пожарах, конфликтах, экстраординарных случаях из жизни воевод позволяет сделать вывод об особенностях хроникального типа

сюжета в сибирских летописях. Фактически все его эпизоды построены на драматических ситуациях, на перипетиях судьбы служилого человека. Каждый эпизод содержит фабулу еще не сформировавшегося сюжета бытовой повести.

Т.И. Ковалева (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Тема покаяния грешника в Киево-Печерском патерике» представила тему покаяния грешника организующим началом Киево-Печерского патерика. Эта тема, берущая начало в Библии, с одной стороны, побуждает авторов выстраивать сочинение по принципу евангельской проповеди, для чего в качестве дидактического воздействия на реципиента используется притча, с другой – влияет на сюжетное оформление отдельных рассказов и патерикового ансамбля в целом, где основой становится сюжетная схема, характерная для житий «грешных святых». Таким образом, отсылая читателя к контексту евангельских притч и шире – тексту Библии, создатели патерика впервые выстраивают «русскую версию» спасения грешной души.

Совместный доклад **Л.В. Титовой и Т.А. Махновец** (Новосибирск, ИИ СО РАН) «О некоторых особенностях русской повести XVII в.» был сделан на материале «Беседы отца с сыном о женской злобе» и повестей о хмеле. Рассматривалось одно из направлений, по которому шло формирование и развитие демократической повествовательной прозы XVII в., – создание повестей на основе дидактических, нравоучительных слов. Был показан начальный этап перехода старинной учительной литературы в разряд беллетристики.

С.К. Севастьянова (Рубцовск, Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Тема сердца в сборнике “Великое зеркало” и ее интерпретация в агиографическом нарративе об антиохийском епископе Игнатии Богоносце» обратилась к одной из сквозных тем переводного сборника «Великое Зерцало» (конец XVII в.), исследовав ее отражение в агиологическом нарративе об антиохийском епископе Игнатии Богоносце. Докладчица выявила круг русскоязычных литургических и агиографических текстов об Игнатии Богоносце, сложившийся в отечественной культуре к концу XVII в. Это богослужебные тексты, три жития – обширное минейное, дометафрастовское, имевшее русскую рукописную традицию, и два кратких, бытовавших в составе прологов. Ни один из упомянутых источников при описании мученической кончины антиохийского святителя не касался темы его сердца. В самом конце XVII в. предание об Игнатии Богоносце как дополнение к житию святого вошло в Четьи Минеи митрополита Димитрия Ростовского. Как сторонник православного вероучения владыка не отрицал заимствований из западной культурной традиции и находил способы интерполировать в православную конфессиональную культуру инославные идеи, укреплявшие ее. Он снабдил статью назидательным выводом, где смягчил физиологический аспект западнохристианской символики сердца, чуждый православному умозрительному пониманию образа. Предание о сердце Игнатия Богоносца из сборника «Великое Зерцало», обогатив агиологический нарратив об антиохийском епископе «сердечной» проблематикой, стало ключевым для глубокого осмысления мученического подвига святого и понимания его христологии. Благодаря интерпретации легенды Димитрием Ростовским в православной кардиогносии прочно закреп-

пилия укорененный в Священном Писании и святоотеческих учениях образ сердца как символ Христа, средоточие православной веры, «клеть» молитвы. Комплекс агиологических текстов об Игнатии Богоносце, дополненный повествованием о его сердце, позволяет трактовать декларируемое антиохийским епископом отождествление христианина с богоносцем как подобие Христа в широком экклезиологическом смысле, а образ сердца, наполненный Богом, – как символ Православия.

Выступление **Л.А. Курышевой** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Еще раз о пушкинской записи народной сказки о мертвой царевне» было посвящено уникальной находке – рукописной «Повести о некоем царе и о дочери его» (РНБ, собрание И.А. Шляпкина), не упоминавшейся ранее исследователями рукописной традиции XVII в. В результате сопоставления пушкинской записи народной сказки типа АТ 709 «Волшебное зеркало (мертвая царевна)» с новонайденной рукописной повестью конца XVII – начала XVIII в. и другими литературными вариациями сказочного сюжета о мертвой царевне XVIII в. был установлен ранний вариант сказочного сюжета АТ 709 на русской почве. Его отличительными чертами являются: появление персонажей-нищих, которые в позднейших вариантах функционально замещены волшебным зеркалом, наличие дополнительного эпизода о победе девушки с помощью хитрости над неприятелями братьев в образах змея либо других богатырей, а также таких деталей, как отравленная рубашка, надпись на гробнице. В ходе обсуждения А.Л. Топорков посоветовал докладчице посмотреть сюжет о девице и змее в указателе сюжетов быличек (так как в указателе по славянской сказке аналогичного сюжета нет), чтобы дополнить представления о фольклорном контексте змеборческой части сюжета о мертвой царевне.

Доклад **М.Н. Климовой** (Томск) «Книга Ионы в литературном процессе: художественные стратегии» был сделан в жанре истории одного сюжета, виртуозно проведенного от древности до современности. Помимо пересказов Книги Ионы для детей и взрослых, влияние сюжета «о пророке и ките», его идей, мотивов и образов обнаружено во многих явлениях литературы – от памятников агиографии и литургической поэзии до современного метаромана, от очерка и стихотворения до детской сказки и юморески. Докладчица размышляла над тем, какие художественные стратегии заложены в Библейском тексте и как они развивались писателями последующих веков. Из русских авторов в этой связи были названы А.С. Пушкин, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, И.А. Бунин и др.

В область научных интересов Е.К. Ромодановской входила не только древность. Более 20 лет она занималась вопросами сюжетологии и сюжетографии. Именно Елена Константиновна была у истоков идеи создания «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы», работа над которым продолжается в Институте филологии СО РАН по сей день. Все дальнейшие доклады, заслушанные на заседаниях, так или иначе были связаны с темой сюжетов, мотивов, наррации в целом.

Начнем с теории наррации и сюжетологии. **В.М. Лурье** (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ; Scrinium) выступил с докладом «Проблема идентичности в логике нарратива». Проблема идентичности в нарратологии не имеет

особенной остроты при анализе художественных произведений, – считает исследователь, – разве что в ситуациях вроде сравнения романа и его экранизации, когда уместно обсуждать «достоверность» передачи образов вымышленных героев. Но зато она встает в полный рост при анализе исторических нарративов: насколько герои историка написаны «адекватно»? К Аристотелю восходит определение идентичности как тождества признаков. На практике оно сводится к обсуждению только некоторых из них, избираемых в качестве определяющих. Однако исчерпывающий список значимых признаков невозможно построить в принципе, и поэтому идентичность как таковая остается иррациональной, т.е. не разлагаемой на признаки. Об этом писали современные логики (особенно E.J. Lowe, H.-N. Castañeda), но это видно и в художественных произведениях. В одном из «Случаев» Даниила Хармса (1934) Гоголь спотыкается о Пушкина, а Пушкин о Гоголя. Идентичны ли эти Пушкин и Гоголь своим историческим прототипам? Это можно проверить, заменив в пьесе Хармса имена собственные на индексикалы (напр., *X* и *Y*). Рассказ теряет смысл. Значит, если в пьесе Хармса есть некий смысл, то он опирается на некое отношение тождества между реальной и воображаемой парой Пушкина и Гоголя, одновременно с их очевидным различием. Логическая структура в данном случае сходна со структурой поэтических тропов и базируется на паранепротиворечивой логике, допускающей одновременную идентичность и различие двух пар Пушкиных и Гоголей. Невозможность убрать эти имена собственные из пьесы Хармса имеет ту же природу, что и невозможность пересказа лирического стихотворения прозой: в том и другом случае исчезает противоречие между тождеством и различием сопоставляемых логических объектов, так как тождество заменяется более тривиальными и поэтому эпистемологически менее ценными отношениями сходства или смежности. Но в реальной жизни подобная «поэзия» неустранима ни из исторического, ни даже из естественно-научного дискурса. Между Пушкиным и Гоголем Хармса и академического литературоведения не пропасть, а континуум.

За рамки словесного искусства в область визуального была выведена проблема сюжета в докладе **И.В. Силантьева** «Поэтика сюжета в фотографическом цикле А. Картье-Брессона “A propos de Paris”». Объектом сюжетологического анализа выступила фотография модерна. Было показано, что степень фабульности и сюжетности фотографии модерна зависит от ее общего конвенционального коммуникативного статуса – документального или художественного. Фабульность документальной фотографии ставит в ее центр естественные объекты как таковые и естественные отношения между этими объектами, в том числе событийные отношения. Сюжетность художественной фотографии преодолевает ее изначальную естественную объектность и выводит фотографию на уровень собственно формы объектов и формальных отношений между формами объектов, тем самым в известной мере отчуждая форму от самих объектов. Сочетание фабульного объектного вектора и сюжетного формального вектора приводит к образованию феномена фотографического образа. Смысловой динамический потенциал этого образа составляет конструктивное противоречие реальности объекта и внереальности его формы. Напротив, фотография постмодерна выходит за рамки своей природы и увязывает себя с текстом. Тем самым от поэтики визуального образа по-

стмодернистская фотография переходит к риторике вербального концепта и становится несамостоятельной вне его продекларированного поля. В докладе были изложены результаты выборочного анализа фотографий Анри Картье-Брессона из тематического цикла, опубликованного в его книге «A propos de Paris».

Задачей **Г.А. Жиличевой** (Новосибирск, НГПУ) («Нарративные функции металеписа в романе постсимволизма») стало рассмотрение нарративных функций металеписа (термин Ж. Женетта) – приема, демонстрирующего пересечение границы между реальностью героев и миром повествователя. Г.А. Жиличевой были изучены случаи включения в наррацию от третьего лица фрагментов «я-повествования» («авторских вторжений») и зависимость их содержания от концепции личности, актуализированной в произведении. Материалом для исследования послужили романы К. Вагинова, В. Катаева, Б. Пастернака, принадлежащие к разным парадигмам художественности (соц-реализму, авангардизму, неотрадиционализму). В докладе было показано, что семантический потенциал металеписов (самоутверждение авторского «я» в случае Вагинова, исчезновение авторского «я» в случае Катаева, конвергенция сознаний автора и героя в случае Пастернака) зависит от нарративной стратегии – постулирования субъекта, объекта, адресата дискурса. Металепис становится ярким способом презентации активности нарратора и индексирует коммуникативные модели разного типа, синхронно сосуществующие в литературе постсимволизма. Кроме теоретических положений, доклад запомнился яркими примерами из авангардной прозы.

С вопросами теории был сопряжен доклад **С.А. Демченкова** (Омск, ОмГУ) под названием «Нелинейный сюжет в литературе и искусстве рубежа ХХ–ХХI вв.». Для С.А. Демченкова особый интерес представляют опыты по созданию произведений, в которых сюжетная нелинейность (в духе постструктуралистского понимания текста) реализована на уровне «физической» структуры текста. В докладе были рассмотрены основные этапы становления «физически» нелинейных повествовательных моделей – от целостных и завершённых произведений, предполагающих множество альтернативных «траекторий прочтения» (Х. Кортасар. «Игра в классики», 1967), до текстов, не имеющих устойчивой структуры и свободно переструктурируемых читателем (Р. Федерман. «На ваше усмотрение», 1976), и принципиально разомкнутых интерактивных гипертекстовых конструкций, стирающих грань между читателем и скриптором (Р. Лейбов. «РОМАН», 1998).

Обобщающе-публицистический оттенок имел доклад **О.А. Богдановой** (Москва, ИМЛИ РАН) «Мотив "утверждения земли" в русской литературе 1917–1920-х гг.», сделанный на материале художественной прозы, поэзии и эссеистики Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, М.М. Пришвина, А.М. Ремизова, Вяч. И. Иванова, С.Н. Дурылина, М.А. Волошина, А.А. Блока.

Далее последовательно изложим выступления, касавшиеся сюжетики и мотивики лирики, эпоса и драмы. Доклад **А.Л. Топоркова** (Москва, ИМЛИ РАН) был посвящен мотивам русских заговоров в поэзии А.А. Блока. В процессе работы над статьей «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906) поэт познакомился с разнообразным корпусом русских, украинских и белорусских заговоров, а также с основными научными работами о заговорах и смежных

жанрах фольклора. В нескольких стихотворениях, написанных в конце сентября – октябре 1906 г., можно усматривать следы работы А.А. Блока над названной статьей и его знакомство с текстами заговоров и исследованиями фольклористов, а также с этнографическими очерками о магии и колдовстве: «Русь» (24 сент. 1906), «Сын и мать» (4 окт. 1906), «Угар» (окт. 1906), «Тишина цветет» (окт. 1906), «Ищу огней – огней попутных...» (октябрь 1906). Анализируя фрагменты заговоров, которые А.А. Блок привел в статье, докладчик пришел к заключению, что внимание поэта особенно привлекли повторяющиеся формулы выхода из дома и отправления в путь, одевания небесными светилами, а также обращение по имени к заре как к одушевленному существу. Все эти элементы нашли отражение в поэтическом творчестве А.А. Блока, но вопрос о том, как мотивика заговоров претворилась в поэтике Блока, в докладе не рассматривался.

В основу доклада **Ю.В. Шатина** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Мотив невесты в “Попытке комнаты” М. Цветаевой и “Спекторском” Б. Пастернака» было положено столкновение мифопоэтик в двух произведениях крупнейших поэтов XX в., в центре которых – мотив «невесты». Высылая Пастернаку текст только что написанной поэмы, Цветаева просит его проверить «поэтическую достоверность каждой строки». Результатом проверки стал «Спекторский» с размышлением о невесте с живущей в эмиграции Цветаевой и использованием основных образов «Попытки комнаты» в качестве строительного материала. Вместе с тем Пастернак подчинил этот материал собственной мифопоэтике, чуждой, если не враждебной художественным принципам Цветаевой. Автор доклада полагает, что именно «Спекторский» положил начало борьбы Цветаевой с пониманием искусства Пастернаком. Ее особую неприязнь вызвали начальные строки поэмы: «Привыкши выковыривать изюм // Певучестей из жизни сладкой сайки...», отозвавшись резкой отповедью в финале поэмы «Автобус» (1936 г.), после которой творческая встреча двух поэтов стала невозможной. При том что их личные отношения после возвращения Цветаевой достаточно часто пересекались, а ее гибель стала одной из личных трагедий Пастернака.

К эпохе символизма возвращал доклад **Н.В. Налегач** «Мотив танца в лирике И. Анненского» (Кемерово, КемГУ), посвященный рассмотрению стихотворений, в которых образы и мотивы античной пляски, вальса и кэк-уока выполняют важную смыслообразующую роль. Историческая маркированность в поэтическом мире Анненского античных и современных танцев позволила выдвинуть предположение, что в авторском мировидении они становятся символами различных культурных эпох, воплощая в музыке и пластике глубинные ритмы, связующие человека с его временем. Так, головокружительный упоительный вальс, к которому мечтой устремлен лирический герой в стихотворениях «О нет, не стан» и «Дымы», сменяется динамичным и достаточно смешным кэк-уоком, отражающим судорожную ритмику современности. Однако танцоры, исполняющие вальс и кэк-уок, равно не замечают роковой предопределенности рисунка танца, что качественно отличает их от условных античных плясуний из «Второго фортепянного сонета», обретающих внутреннюю свободу от рока во внешней покорности ему. Тем самым любой танец невольно подталкивает человека к встрече с жизнью в ее непо-

средственности, несмотря на урбанизированную реальность, диктующую человеку самоопределение в роли демиурга, оборачивающееся в процессе танца одной из масок, спадающих в финале, что наиболее очевидно в стихотворении «Кэк-уок на цимбалах».

Продолжили тему лирической сюжетики **К.В. Абрамова** (Новосибирск, НГПУ), чей доклад «"Сон в летнюю ночь" Бориса Пастернака: темы и вариации» представлял собой глубокий просмотр мотивных связей цикла Пастернака «Сон в летнюю ночь» с мотивным контекстом книги стихов «Тема с вариациями», **Е.А. Денисова** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН), анализировавшая мифологический сюжет о голубом цветке в сборнике Тэффи «Семь огней», выявляя связи сборника с античной мифологией, с мифом об Амуре и Психее, с произведениями писателей-романтиков, в первую очередь с романом Новалиса «Генрих фон Офтердинген», и с современными Тэффи произведениями писателей Серебряного века, **Е.А. Сафонова** (Томск, ТГПУ), говорившая об оппозиции «Россия – Запад» в художественном мире Н. Оцуца. Завершалась тема лирических сюжетов и мотивов современной поэзией, представленной **Н.А. Непомнящих** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Мотив *воля к смерти* в творчестве Бориса Рыжего», где были показаны способы и приемы реализации конструируемого Б. Рыжим авторского мифа о своем посмертном поэтическом величии. Умиранию в художественном мире Бориса Рыжего придаются сверхценностные смыслы, порождая поэтические рефлексии на тему преждевременной смерти, где ключевое место занимает перебор вариантов возможной гибели, иницируя обращение к жанрам элегии и поэтического завещания. Возможная смерть и последовавшее за ней общественное признание поэта в форме мемориальных практик становятся постепенно раскручиваемым поэтическим сюжетом во всем творчестве Рыжего.

Не менее разнообразно была представлена на конференции и сюжетики прозы. Отметим показательную тенденцию сюжетно-мотивных конференций последних лет: на них становится все меньше докладов на темы прозы XIX в., доминантная позиция непреднамеренно сдвинута к XX в. И все-таки несколько интересных выступлений было посвящено литературе XVIII и XIX вв.: **О.А. Фарафоновой** (Новосибирск, НГПУ), докладывавшей об автобиографических «Записках» Г.Р. Державина и его «Объяснениях на сочинения» с точки зрения единства документального и поэтического сюжетов, **Л.Н. Синяковой** (Новосибирск, НГУ), отметившей в докладе «Типы жанровой событийности в рассказах А.П. Чехова 1887 г.: новелла и рассказ («Недоброе дело», «Происшествие», «Старый дом»)), что три выбранных произведения представляют собой повествования с разной степенью жанровой узнаваемости и, соответственно, разными формулами событийности. Сюжеты XIX в. в литературе XX исследовали **О.А. Колмакова** и **Ч. Ван** (Улан-Удэ, БГУ) («Повесть Н.В. Гоголя "Вий" в русской литературе конца XX в.: мотив бесовского вторжения в пьесе Н.Н. Сакур "Панночка" и рассказе М.Ю. Елизарова "Госпиталь"») и **А.В. Скрипник** (Томск, ТГПУ) («Сюжетообразующая роль городского пространства: Петербург Н.В. Гоголя и Прага Ф. Кафки»). И уж совсем уникальными были доклады по беллетристике XIX в. **М.Ф. Климентьева** (Томск, Гуманитарный лицей) рассматривала ряд повес-

тей и рассказов А.Ф. Вельтмана с позиций их жанрово-композиционной структуры и пришла к выводу, что в малой прозе писателя создаются сюжетные паттерны, схемы-образы текста, имеющие природу пародии. **А.А. Пономарева** (Новосибирск, НГПУ) прочла доклад «"Жоржсандовский" сюжет в русской беллетристике середины XIX в.: закономерности ассимиляции». В докладе **А.Е. Козлова** (Новосибирск, НГПУ) «Проселочные дороги русской литературы: к вопросу о провинциальном романе XIX в.» провинциальный роман рассматривался как своеобразная форма времени, объединяющая два магистральных сюжета, связанных с фигурами российского Вертера и российского Жилблаза. Прослеживая историю провинциального романа через рефлексивное поле, выходящее за пределы вторичности, А.Е. Козлов показал, что «Мертвые души» Гоголя аккумулировали литературную традицию, повлиявшую на формирование особой для русской литературы формы романа, рассматриваемой на примере произведений Н.Д. Ахшарумова «Чужое имя», М.П. Стопановского «Обличители», Н. Данковского «Портретная галерея». Особое внимание было уделено роману Д.В. Григоровича «Проселочные дороги». Традиционно рассматриваемые в аспекте творческой неудачи как заведомо подражательное и вторичное произведение (более того, не переиздававшееся с конца XIX в.), «Проселочные дороги», по мнению докладчика, демонстрируют ряд оригинальных стратегий, актуализирующих не только поле вторичности, но и альтернативности. Особый интерес представляет мотив письма и писательства, реализованный в произведении через несколько гротескных фигур: Балахнова, Дрянкова, Чибезова. В выступлении проводится гипотеза, согласно которой роман Григоровича может быть прочитан как памфлет, в негативных красках описывающий литературную карьеру большинства современников автора, кроме того, сатирически изображающий судьбу самого писателя. Именно это металитературное рефлексивное измерение и определяет один из векторов изучения «проселочных дорог», т.е. беллетристической словесности русской литературы XIX в.

Переход к литературе XX в. отмечен двумя выступлениями, посвященными творчеству В. Набокова. Внимание **Е.Е. Анисимовой** (Красноярск, СФУ), выступившей с докладом на тему «"Мне вырвут все зубы": физиология и историософия в романе В. Набокова "Пнин"», было привлечено к важному нюансу смысловой кодировки и сюжетной структуры романа В. Набокова «Пнин» – систематическим повторам, связанным с образом зубов. Стоматологические коды романа были рассмотрены в широком контексте истории русской эмиграции первой волны и отечественной патографической культуры. В центре исследования находится прием остранения, направленный на тему утраты корней русскими эмигрантами, судьба которых на языке патографической образности метафоризируется как утрата больных зубов. Сквозной мотив, связанный с языком, с родной и иноязычной фонетикой и многими другими темами, позволил показать преломление историософии и идентичности Набокова на разноуровневых примерах структуры романа: рефлексии жанра баллады, двойничество, образы фрагментированных тел.

В докладе **Е.Г. Николаевой** (Новосибирск, НГПУ) «Металитературность сюжета в романах В. Набокова "Подвиг" и "Просвечивающие предметы"» романы В. Набокова были рассмотрены с точки зрения металитературности

их сюжета. Докладчица обозначила связи названных романов с поэзией трубадуров (Гильом Молинье), западноевропейской литературой XVII в. (Мольер, М. де Сюдери), творчеством Чехова и биографией Лермонтова.

Е.Н. Проскурина (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «"Биение сердца Москвы": к вопросу о параллелизме образа города и образа героини в сюжетной структуре романа А. Платонова "Счастливая Москва"» вела речь о скрытых в тексте романа соответствиях между городом Москвой и образом главной героини. Показаны разные способы, которыми автор рифмует образ Москвы Честновой с образом «новой Москвы», прежде всего, как смена сюжетной стратегии произведения отражается на переменах в образе и характере героини. В начале произведения «восходящая жизнь» Москвы Честновой служит метафорой новой строящейся советской столицы. В первых главах образ героини соответствует трафаретному образу, характерному для женского живописного портрета и кинематографа 1930-х гг., выполненного в духе соцреализма, где авторы должны были представить миру счастливую свободную советскую женщину. В самом ярком московском эпизоде романа – сцене бала «новых людей» – мерцает созвучие образа Москвы с образом Нового Иерусалима. Однако по ходу развития сюжета мотив дружеской сопричастности, маркирующий праздничный образ новой Москвы, все больше заменяется мотивом равнодушия людей друг к другу, что меняет лицо города, «отрекающегося от себя, бредущего вперед с неузнаваемым и молодым лицом». Так же отрекается от себя прежней – радостной и исполненной надежд на счастье – Москва Честнова, превратившаяся в одноногую «психичку Мусю» и стыдящаяся самой себя. Симптоматично, что ее образ исчезает с последних страниц романа, сменившись новой героиней – Матреной Чебурковой, чей образ выписан в красках *злой жены*. На ее субституирующую функцию по отношению к Москве Честновой указывает совпадение начальных букв имени и фамилии. Так в тексте «фигурально» закрепляется семантика подмены: верха – низом, добра – злом, правды – ложью.

Доклад **А.Б. Борисовой** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Полижанровая структура "Поэмы мысли" А.П. Платонова» был посвящен жанровому своеобразию практически не исследованного литературоведами раннего рассказа писателя.

В выступлении **В.А. Боярскиного** (Новосибирск, НГПУ) «Два типа денди у Гайто Газданова» была поставлена проблема переделки незаконченного романа Г. Газданова «Алексей Шувалов» в повесть «Великий музыкант». Докладчик углубился в творческую историю двух текстов, отметив релевантную тему власти в них. Была высказана гипотеза, что сюжет «Алексея Шувалова» (в меньшей мере «Великого музыканта») определяется скрытой аллюзией главных персонажей на тип денди – в двух его трактовках, принадлежащих перу Бальзака и Бодлера. Осталось вопросом, почему понимание дендизма исчерпывалось столь узким и чисто французским аспектом.

Сюжетика прозы XX в. была затронута также в докладах **С.Ю. Чвертко** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) о готической традиции в новелле В. Брюсова «Сестры», **М.Л. Рогацкиной** (Смоленск, СмолГУ) «Сюжетная модель *убийство женщины* в рассказах И.А. Бунина», **М.В. Кошелевой** (Екатеринбург, УрФУ) «Мотив детства в творчестве писателей-младоземigrants» (рассмат-

ривалась проза В.С. Яновского и И.А. Болдырева), **Т.А. Загидулиной** (Красноярск, СФУ) «Символика образа авиатора в рассказах М. Зощенко 1920–1930-х гг.: *герой vs нищий*».

Широко были представлены исследования о прозе второй половины XX в.: **О.Е. Похаленков** (Смоленск, СмолГУ) обратился к военной прозе в докладе «Сюжетная модель *инициация* в художественной прозе о войне», посвященном компаративистскому анализу структуры образов героев в романе Эриха Марии Ремарка и в повести М. Горьцкого «На империалистической войне». В совместном докладе **А.И. Куляпина** и **Е.А. Худенко** (Барнаул, АлтГПУ) была продемонстрирована значимость сюжета «провинциал в столице» для творчества В.М. Шукшина. Показателен в контексте шукшинской биографии рассказ «Жена мужа в Париж провожала», где сюжетная линия «Москва – Париж», заданная заглавием, становится метафорой перехода за границу другого мира – мира смерти. Другая грань семиотического потенциала сюжета «провинциал в столице» актуализирована писателем в романе «Я пришел дать вам волю».

О современной прозе говорилось в докладах **Е.А. Полевой** (Томск, ТГУ) «Сотериологические мотивы в повести В. Сорокина “Метель”», **А.И. Пантюхиной** (Томск, ТГУ) «Мотив мученичества в романе В. Шарова “Воскрешение Лазаря”», **А.В. Мальковой** (Томск, ТГУ) «Мотив поиска женщины в романе В. Макарина “Андеграунд, или Герой нашего времени”», **И.С. Полторацкого** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Поэтика книги Виктора Иванова “Чумной Покемарь”», выявившего авторскую модель текстопорождения у новосибирского поэта и прозаика Виктора Иванова (1977–2015), чей текст, состоящий из дискретного множества нарративов, обретает целостность благодаря осуществлению конструктивных принципов орнаментальной прозы.

Теория драматической сюжетики представляется наиболее сложной и неразработанной. Исследованию этого вопроса посвятили свои работы Н.А. Муратова (Новосибирск, НГПУ), В.Е. Головчинер (Томск, ТГПУ), Т.Л. Воробьева (Томск, ТГУ). Доклад **Н.А. Муратовой** (Новосибирск, НГПУ) был озаглавлен «Травестия катастрофических сюжетов в драматургии А.П. Чехова», в нем шла речь о канонической, с точки зрения элементов драматической структуры, категории катастрофического. Отмечалось, что в случае верификации механизмов действия чеховских пьес обнаруживается срабатывание классических (и даже архаических) жанровых и структурных принципов; в том числе релевантны события финальной катастрофы, перипетий, маркирующих *перемену к несчастью*; комической катастрофы, которые лишь отчасти могут быть атрибутированы как комедийные или в контексте иронического остранения. В чеховской драме происходит перекодировка катастрофической событийности, и несчастье из компонента жанровой завершенности превращается в модально амбивалентное событие дискурса. **В.Е. Головчинер** в докладе «Мотив искушения в пьесе А. Вампилова “Прощание в июне”» был представлен не только мотив искушения, но и мотивный анализ пьесы в целом. Многообразные трансформации мотивов искушения, испытания, договора человека с дьяволом, разные фазы и стратегии их проявления определили полифоническую природу действия. Этот и другие обнаруженные докладчицей аспекты организации действия позволили сделать

вывод о том, что первая пьеса драматурга стала явлением неклассической художественной парадигмы, выражением которой в пору создания, в 1964 г., была эпическая драма. **Т.Л. Воробьева** (Томск, ТГУ) рассматривала мотив самозванства в русской комедии 1920-х гг.

Как особую группу хотелось бы выделить доклады, посвященные забытым именам в истории русской литературы, наследию сибирских писателей, доклады, включавшие комментаторские моменты. Е.К. Ромодановская была знатоком академических жанров литературоведения, высоко ставя комментарий и сам процесс введения в научный оборот новых памятников, фактов, персоналий. Одной из любимых ею тем была «литература и документ». С памятью о той части научного наследия Е.К. Ромодановской, где разрабатывались проблемы «литература и документ», «литература и жизненный факт», связал свой доклад «Автобиографическая проза Леонида Мартынова: К проблеме комментария» **И.Е. Лошилов** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН). Автобиографические новеллы, которые писал поэт Л.Н. Мартынов (1905–1980) в 1960–1970-е гг., частично были собраны автором и изданы в 1974 г. под названием «Воздушные фрегаты: Книга новелл». Название отсылало к фигуре поэта и филолога Георгия Маслова, и через него – к наиболее интересному, раннему периоду творчества самого Мартынова, которого в 1920-е гг. называли «поэтом-бродягой» (М. Шкапская) и «сибирским Артюром Рембо». Еще один подкорпус автобиографических новелл был подготовлен редактором В.В. Сякиным и издан под названием «Черты сходства» в 1982 г., посмертно. Три с небольшим десятка новелл стали доступны читателю лишь в 2008 г., когда вышла подготовленная наследниками поэта Г.А. Суховой-Мартыновой и Л.В. Суховой книга «Дар будущему». Здесь же приоткрылся авторский замысел: создать книгу из сотни главок-новелл «Стоглав», название которой обыгрывало и буквализировало бы название памятника древнерусской словесности и государственной жизни XVI в. Автобиографическая проза Мартынова, ожидающая полного и комментированного издания, развертывает подлинно энциклопедическую панораму литературного быта Сибири 1920-х гг.; она содержит множество подробностей жизни и быта первого советского десятилетия, утраченных памятью читателя будущих поколений по разным – и не всегда прямо связанным с политикой и идеологией – причинам. Революция и гражданская война сделали поэтов и художников поколения Мартынова носителями уникального жизненного и психологического опыта. «Поиски утраченного времени» возвращают поэта в 1970-е гг. к определению «Мы футуристы невольные...» из стихотворения 1921 г. (впоследствии неоднократно отредактированного автором в соответствии с изменившимися «правилами игры» в советской литературе). «Будущее зацвело» не совсем так, как это представлял себе поэт во дни юности; в исторической и биографической перспективах смысловой акцент удачно найденной строки-формулы в поздней прозе перенесен с *футуризма* на слово «невольные». В основной части доклада предпринята попытка дать на основе материалов печати 1920-х гг. и архивных документов по возможности полный комментарий к микросюжетам из трех новелл: «Племянник мужика», «Мокрый форштадт» и «Потерянная рукопись». Поиск сведений о создателе курьезного пропагандистского шрифта «Смычка» И.М. Горбунове и прояснение библиографических деталей,

связанных с поэтами Е.А. Мининым, Н.М. Аренсом (Аристовым) и А.Е. Адалис (Ефрон), может «разрастись» в несколько отдельных историко-литературных статей. В составе комментированного издания результаты подобных поисков должны быть «сжаты» в компактные справки, необходимые сегодняшнему читателю для понимания обстоятельств культуры, литературы и быта 1920-х гг., вызвавших к жизни новеллы-воспоминания Л.Н. Маартынова.

Доклад **Л.П. Якимовой** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Остранение как предмет художественного изображения в творчестве Геннадия Гора» был обращен к началу творческого пути Г. Гора (1907–1981), выпавшему на 1920-е гг., когда писатель был творчески связан с обэриутами, с кругом К. Вагинова, Д. Хармса, Л. Добычина, с русской формальной школой, с теоретическими исканиями В. Шкловского. С точки зрения докладчицы, особенно близкой художественному почерку раннего Г. Гора оказалась поэтическая фигура остранения. Главное внимание сосредоточено в выступлении на цикле ранних рассказов Гора – «Маня», «Окно», «Чайник», «Стакан», где живая реальность предстает остраненным взглядом не самого человека, а его «заместителя» из окружающего предметного мира. Дублерами человека в ранней прозе Гора могли стать, например, окно, чайник или стакан. Борьба с «формализмом» и «безыдейностью», ставшая в советское время нормой литературной политики, с течением времени заставила Г. Гора отказаться от остраненного взгляда на советский мир. Однако это не помешало ему сохранить верность остранению как ведущей фигуре поэтической речи на протяжении всего творческого пути. В поздние советские годы Г. Гор известен больше как фантаст, а также как автор, отдавший дань так называемой инонациональной теме – изображению жизни и исторических судеб малых народов Сибири: нивхов, эвенков, ороков и др. («Ланжеро», «Неси меня, река», «Юноша с далекой реки»). Во всех своих произведениях Г. Гор, по выражению А. Битова, явил яркий пример «победы формы над содержанием». Имя Г. Гора было знакомо не всем слушателям, поэтому обращение (вслед за А. Битовым, переиздавшим недавно избранные произведения писателя) к его творчеству вызвало интерес у аудитории.

О другом незаслуженно забытом авторе говорила **Е.Ю. Куликова** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Абиссинские новеллы Павла Булыгина», где была рассмотрена тема экзотических стран в творчестве Павла Булыгина – поэта и прозаика, покинувшего Россию после революции. Булыгин жил в Абиссинии в 1924–1933 гг. В Аддис-Абебе он состоял инструктором пехоты армии Негуса, работал управляющим кофейной плантацией в Дубоне и во французской железнодорожной компании, расследовал дело об убийстве императорской семьи, чему посвящена его книга «Убийство Романовых. Достоверный отчет», писал стихи, а также создал ряд очерков – «Современная Абиссиния», «Русские в Абиссинии», «Жизнь русских в Абиссинии». Об Абиссинии Булыгин писал, вдохновленный Африкой Гумилева – одного из своих любимых поэтов. В поэзии Гумилева Булыгина привлекает созданный поэтом под влиянием французской поэзии и по собственным путевым впечатлениям оригинальный образ Востока и Африки: Гумилев формирует новые концепты русского исторического самосознания, совмещающие в себе

как западные, так и восточные черты. В докладе отмечается обращение Гумилева к фовистам (А. Матиссу, А. Дерену), «дикая» выразительность красок которых апеллировала к «дикому» началу в человеке, поворачивала его к миру первозданной природы. Описывая быт абиссинцев, Гумилев вводит отчетливые штрихи *другого* мира, где живут *другие* люди, подчеркивает их сознание, отличное от цивилизованного человека. Это ощущение вербального «фовизма» уловил Булыгин и отразил в своих очерках. Е.Ю. Куликова подчеркнула, что для Булыгина важны гумилевский подтекст, почти мистическая канва образов, сюжетные повороты. Анализируя его очерки, такие как «Соу Джин» («Человек-гиена. Очерк из абиссинской жизни»), «Обезьянья царица», «Занду и Шанко», докладчица рассматривает их в контексте лирики Гумилева (стихотворения «Гиена», «Ужас») и новеллы «Черный Дик». На примере судьбы и творчества Булыгина показан «маргинальный путь» русской литературы, отправленной в изгнание. Выступление сопровождалось эффектной презентацией: демонстрировались картины фовистов и европейская гравюра XVI–XVIII вв. на африканские темы.

Если вернуться от литературы эмиграции к первым десятилетиям XX в. в истории русской литературы, то стоит отметить доклад **П.В. Маркиной** (Барнаул, АлтГПУ) «Имагологические мотивы в произведениях Антона Сорокина», где были представлены результаты анализа около тридцати «киргизских рассказов» писателя. Антон Семенович Сорокин (1884–1928), уроженец казахского Павлодара, жил и работал в Омске; историком литературы он известен в первую очередь как скандалист-мистификатор. Одной из литературных масок Сорокина был образ «певца инородцев». Константы степной (региональной и евразийской) темы в «рассказах-схемах» о жизни казахов раскрываются благодаря обращению к мотивам прекращения (обрыва) степной песни, противоборства «театра» (в европейском смысле) и жизни, появления железной фауны, уничтожения городом степи, предательства, потери сына и др. Поэтика и эстетика «примитива» в рассказах Сорокина возникли и развивались под влиянием характерных тенденций эпохи в русской и инациональной культурах. Отчетливо различимо и влияние фольклора (мотивы «пира смерти», «смерти-жатвы») на Сорокина. В рассказах советского периода провозглашается «торжество новой жизни». С одной стороны, это дань эпохе (зеленая трава становится красной, отражая «идеологический дальтонизм» времени), с другой – своеобразное пародирование мотива «обретения утраченного рая», когда даже характерные для Сорокина inferнальные оттенки в изображении города и городской цивилизации искусно нивелируются мотивом театральной и кинематографической иллюзии.

Из малоизученных писателей был упомянут также и В.Перелешин, ему был посвящен доклад **Е.В. Капинос** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН), сравнившей один из самых выразительных эпизодов мемуарной прозы В. Перелешина «Два полустанка» – двойное самоубийство поэтов Г. Гранина и С. Сергина – с самоубийством Ольги в романе А. Мариенгофа «Циники». Мотив (разбитой) чашки сопутствует сюжетам самоубийства как в художественном тексте, стилизованном под документальный (Мариенгоф), так и в мемуарном с художественным уклоном (Перелешин).

Из поля зрения участников конференции не были исключены и литературы народов Сибири. Доклад **Е.В. Королевой** (Новосибирск) «Реконструкция этнической истории в литературном наследии алтайского писателя Бронтоя Бедюрова» был посвящен современному писателю, который более тридцати лет собирал, систематизировал и публиковал исторические предания, легенды и песни алтайского народа, сопровождая собрания авторскими эссе, где он в художественной форме повествует о средневековой и древней истории Алтая. В результате многолетней писательской и просветительской деятельности Бедюрову удалось вернуть в живое употребление на алтайском языке термины, обозначающие философские, административные, космогонические понятия, что позволило ему осуществить переводы произведений современных писателей без потери смысловой ценности. Через свое творчество писатель транслирует в литературное пространство России традиции тюркомонгольской народной литературы, а также особенности восприятия истории и географии у коренных кочевых народов Евразии.

В докладе **И.В. Булгутовой** (Улан-Удэ, БГУ) «Мотив возвращения в прозе Балдана Ябжанова» рассматривались произведения современного бурятского писателя Б. Ябжанова (1927–1996), в которых мотив возвращения имеет сюжетобразующее значение, являясь завершающим звеном циклической сюжетной схемы «утрата – поиск – обретение». И.В. Булгутовой были установлены мифологическая семантика мотива возвращения и его глубинные истоки в сфере бессознательного в произведениях, где реализуются архетипические образы, в частности архетип матери. Реализация идеи изначального тождества в мифосознании определяет связь мотива возвращения с мотивом смерти. Мотив возвращения в прозе Б. Ябжанова получает воплощение в контексте нравственно-этических исканий автора как выражение кармической предопределенности событий. Как показано в докладе, в прозе Б. Ябжанова мотив возвращения определяется в контексте мифопоэтических традиций бурятской литературы.

В русле не менее интересной темы, чем сюжетно-мотивная, лежал доклад **Е.А. Макаровой** (Томск, ТГУ), касавшийся структуры книги. Доклад озаглавлен «Своеобразие жанра сибирского “ученического сборника”: художественный и публицистический аспект». В нем рассматривался феномен «ученического» сборника на разных исторических и культурных этапах его развития. Ученические сборники появляются в Сибири еще в первой половине XIX в., но настоящим временем расцвета для них станет начало XX в. Это закономерно ведет к модификации жанра (сборника, альманаха, журнала) и формированию более широкой читательской аудитории, связанной не только с ученической, гимназической, но и училищной, студенческой, рабфаковской средой. Своеобразием такого рода издательской продукции становится его документальная основа с активным внедрением художественного материала и своеобразным авторским корпусом.

Акцент на сюжетно-жанровых проблемах был сделан **П.А. Моисеевым** (НИУ ВШЭ–Пермь) в докладе «Религиозные истоки сюжетной схемы детектива». Автором выдвигалась гипотеза о связи между христианской картиной мира и природой детективного жанра.

Благодаря усилиям всех ее участников, конференция стала достойной данью памяти Е.К. Ромодановской и сделала совершенно очевидным то, что историко-литературные и теоретические интересы сформировали магистральные линии развития научной деятельности коллектива ИФЛ СО РАН и оказали влияние на тех, кто с этим коллективом сотрудничает.

Литература

1. *Проскурина Е.Н., Непомнящих Н.А.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Сюжетология / сюжетология», Новосибирск, 13–15 мая 2014 года // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 254–266.

Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина, И.В. Силантьев

TOPICAL PROBLEMS OF PLOT POETICS OF RUSSIAN LITERATURE. REVIEW OF THE ACADEMIC CONFERENCE “STUDIES IN THEORY OF LITERARY PLOT AND NARRATOLOGY – 4” (Russian Federation, Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, May 16–18, 2017).

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 222–236. DOI: 10.17223/19986645/49/14

Elena V. Kapinos, Elena N. Proskurina, Igor V. Silantev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dzerv@mail.ru / motive@philology.nsc.ru / silantev@philology.nsc.ru

Keywords: plot, motive, genre, composition, theory of literary plot.

The article contains an analytical chronicle of the conference “Studies in Theory of Literary Plot and Narratology – 4” held at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in May 2017. The problems of the theory of plot and motive, interaction of plot and genre, interaction of plot and composition, history of plots of Russian literature, genesis and evolution of frequent and rare plots, plots of insufficiently studied writers and plot poetics of Siberian literature were considered at the conference.

References

1. Proskurina, E.N. & Nepomnyashchikh, N.A. (2014) The All-Russian Scientific Conference with International Participation “The theory of the plot” (Novosibirsk, May 13–15, 2014). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 3. pp. 254–266. (In Russian).